

Первое чувство, когда закончишь эту страшную книгу...

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Россия во тьме

Игорь Шестков. Африка. Рассказы. «Литературный европеец». Франкфурт, 2007

Первое чувство, когда закончишь эту страшную книгу Игоря Шесткова (она называется «Африка», но речь в ней о России, сегодняшней и недавнего прошлого - времен Андропова, Черненко, Горбачева) - негодование и желание воскликнуть: «Неправда!» Но, к несчастью, в ней правды слишком много (хотя, впрочем, все же частичной и сгущенной): вырождающаяся, тонущая в пьянстве и бездельи деревня, оппортунистическая, приспособленческая интеллигенция и полное отсутствие перспективы на будущее. Как будто завтра все должно погибнуть, а сегодня - лишь бы урвать каплю удовольствия от минутных любовных связей, от алкоголя и наркотиков, порою от извращений. Автор, эмигрировав в Германию и вернувшись в туристическую поездку с изумлением видит как сильно все изменилось - и к худшему. А мы и вовсе не можем в рисуемых им картинах признать Россию, какую мы знали. Что с нею сделали большевики, будь они прокляты! Ушли в норы или перекрасились, а оставили мертвое поле и развалины, допредельно загаженные, и людей, телесно и духовно оскверненных до глубины. В этой среде отдельные светлые образы выглядят необычно - и даже комично. Добрый и простодушный священник и с ним такая же жена, - которых все обманывают и над которыми смеются (а они все прощают). Интеллигенты, пытающиеся бороться с несправедливостью в безнадежных условиях, увлекающиеся той или иной политической идеей (в том числе, читающие книги Солоневича), диссиденты, разбивающие себе лоб об стену, и другие (и их много), пассивно им сочувствующие, но раздавленные страхом и отравленные житейскими расчетами. Грустная бесплодная равнина, - на какой можетли возродится новая жизнь (и тогда - какая?) Наиболее умные и

верные слова произносит опять таки священник (в рассказе «Записки следователя»), говорящий, по поводу нелепого убийства на бытовой почве, рассказчику, от лица которого ведется повествование: «Вы власть. Вы их воспитываете». На что тот реагирует мыслями: «Умный поп. Получается, мы виноваты. Советская власть». Да, конечно, она и виновата. То, что мы имеем - ее роковое, чудовищное наследство. В отдельных рассказах кошмар нагнетается до мистических видений («Бешеный волк», «На пляже»); в иных - атмосфера чуть-чуть светлеет, в изображении студенческих разговоров и развлечений («Псоу»). В целом, увы, сия книга есть крик отчаяния. Автор о себе говорит сам, что не верит «ни в Бога, ни в носорога». Попробовал прибиться к православию (даже иконы писал), но чем-то оно его разочаровало и не устроило. (А что он ждал - чуда? Оно так, само собою в руки ведь не дается!). Для его персонажей религия есть, как правило, вид чудачества, порою сорт игры, еще чаще - почва для туманных философских рассуждений. Хуже того - моральные запреты, правила нравственности, которые составляют основу русской традиции, русской народной души, по странной аберрации представляются им запретами, установлявшимися большевизмом и с ним отпавшими. (Тогда как они на деле-то, именно они и служили последним рубежом отпора коммунистическому бреду). Найдет ли автор «Африки» путь к добру, - а только на нем возможно и душевное успокоение, - кто знает? Пока он от того далек... А вот мир типичного сегодняшнего совка во всем его безобразии он разглядел и изобразил как нельзя более точно; в этом, пожалуй, и главная ценность его творчества.